

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

КАРТИНА

Пьеса в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

**СТАРИК
БАБЁНКА
ДЕВОЧКА, её дочка
ВЬЕТНАМЕЦ**

Пельменная на улице Бажова, 37, ночь.

Я шёл по улице, там, где подвальчик, на углу Бажова и Куйбышева, (ну, там, где пельменная, знаете эту пристройку в торце пятиэтажки на Бажова, та, которую санэпидемстанция четыре раза закрывала из-за крыс и тараканов), так вот, тот подвальчик, в котором я когда-то стоял в очередях и сдавал пустые бутылки, а потом покупал на вырученные деньги “Беломор” и хлеб. Так вот, я там у пельменной и подвальчика шел, и солнце было. Я всё время хожу и думаю о чём-то. Так вот. Так вот. И вот у подвальчика у этого подумал вдруг что-то страшное и странное. Потому что вдруг толкнуло в бок, нет, в грудь, или в животе застучало ногами что-то или кто-то. Мне стало страшно, я пошел быстрее, чтобы не думать то, что подумал, не думать, не думать, забыть. Другое помнить: в этой пельменной я когда-то сторожем работал, много-много лет назад. Только это и помнить, а всё остальное - забыть. У меня полный карман денег, я в “коже”, разодет, раздухарен, а когда-то я мыл подъезды, сторожил пельменную, был вахтером, и не думал такого странного и страшного о том, что внутри меня кто-то живёт. Потому что бред это. Молчать. Дальше.

Так вот. В пельменной на Бажова, 37 дело и происходит: немытый пол, пыльные батареи центрального отопления, шесть шатающихся, покрытых жирным слоем грязи, столов, на окнах зелёные в пятнах шторы. На столах солонки, тарелки с горчицей, уксус в бутылках из-под нерусского и русского вина.

В центре зала, отделяя кухню и едальню, стоит сваренная из железных прутьев в виде лепестков вокруг серпа и молота железная изгородь, по которой движется очередь за пельменями к кассе, которая тоже вся со всех сторон в решётках, только дырочка, чтоб руку с деньгами сунуть к кассирше, пока она в зеркальце смотрится. На изгороди несколько горшков с цветами хилыми, висят, уют создают. За изгородью этой стоит стол из алюминия, на котором весы синие со стрелкой, а за столом этим проём, дверь, вход на кухню, где стоит большая плита и два стола для делания пельменей. На плите большие алюминиевые кастрюли с надписями “Хлорка” и “Для полов”, в которых кипит вода, а пар от кастрюль выходит в вентиляционную трубу, что над плитой изогнулась, пылью и паутиной заросла.

На стене - огромная, нарисованная маслом, картина: Дева Мария держит младенца Иисуса Христа, Иосиф-плотник напротив, одну руку к ней тянет, а в другой руке у Иосифа поднос с яблоками, апельсинами и бананами. Там за ними - бараны пасутся, там горы, солнце встаёт.

Все стены в пельменной, столы, пол, касса, стулья в белых крестах - травили тараканов карандашом специальным, белые кресты чертили.

Ну, вспомнили теперь эту пельменную? Да, да, возле подвальчика, та рыгаловка, тошниловка. Она самая.

Ночь. Горит верхний свет - люминесцентные лампы. За столом сидят Старик, Бабёнка, её Дочка и Вьетнамец. Сидят, на картину смотрят.

БАБЁНКА. *(Молчит, улыбается.)* А что - там?

СТАРИК. Где?

БАБЁНКА. Ну, там, дальше, за ними? Там горы, река, там солнце. Да?

ДЕВОЧКА. Вьетнам.

БАБЁНКА. *(Молчит, улыбается, смотрит на картину.)* А может, и Вьетнам. Наверное, Вьетнам. Конечно, Вьетнам. Да? И река там - Ганг называется, да? Вьетнамцы там в реке рыбу ловят, сети сушат, в воде бельё стирают, бананы кушают, живут себе. Так?

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Да тут один закройся и спи. А мы три! Кто приказал?! Да с кем меня, главное, смешали?! С Хабибулиным сторожить - ещё не сторожил!

БАБЁНКА. Он вьетнамец, не Хабибулин, он же ясно вам сказал.

СТАРИК. Да он ни слова еще не сказал, только ты, сорока, балаболишь без передыху. Ты документы у него видела? Может он - вор?

БАБЁНКА. *(Вяжет.)* Позвонили же, сказали: “Шлём вам на усиление вьетнамца”. Я ему двери открываю, а он, как солнышко, стоит на пороге, говорит: “Я - вьетнамец, здрасьте ...”

СТАРИК. Даунклуб, блин. Солнышко! Так, может, это воры, сообщники позвонили, вьетнамцы же такие вот как вот и он вот, а?!

Вьетнамец что-то пишет на бумажке.

ДЕВОЧКА. *(Читает надпись на бутылке с уксусом.)* Аг-д-ам ... Конь-я-к ...

СТАРИК. Я тебя спрашиваю - кто прислал, ну?! Старший по смене?! Троих?! Ну ты - ладно, ты - с ней, понятно, но этот, этот, видала?! Зырит и зырит, чума японская. Он по-русски хоть бум-бум? Чуркестан, угрёбище, шнобель пипкой, глазки - пуговки, помесь негра с мотоциклом, квазиморда, говоришь по-русскому, нет, ну?!!!

БАБЁНКА. Он вьетнамец, прекратите. Надо дружить с народами всех стран.

ДЕВОЧКА. *(Раскладывает вилки на столе.)* Это - мамы, это - папи, это - снова мамы, это - снова папи. *(Старику.)* А тебе - нет.

СТАРИК. Идите домой, сказал! Я сам досторожу. Зачем он нам нужен? Зачем нам его прислали? Ружье бы лучше дали, чем его. Даунклуб, блин. *(Вдруг закивал головой, захрапел и уснул на стуле.)*

БАБЁНКА. *(Крутит ручку маленького радио, которое на столе напротив него стоит.)* Какой пьяный, нафлोकонился своей червивки уже ... Уже и на массу давит, старый ... Прямо укатайка с ним. Портит вот впечатление о русском народе перед иностранными гостями, как не стыдно, ай-яй-яй. Вы на него - ноль. Не все русские одинаковы. *(Пауза.)* Ой, стучит кто?

Прижалась к Вьетнамцу. Молчат. Смотрит Вьетнамцу в глаза, улыбается.

Нет, показалось ... Какой вы худенький ... Как у вас сердце бьется. Прямо как у моего котенка, когда его носом совать в наделанное надо. Худенький вы, так бы и накормила. *(Пауза, смотрит Вьетнамцу в глаза, улыбается.)* А у вас девушка есть там? Нету? А почему вы на русской не женитесь? Русские девушки, да и женщины тоже, очень ценятся в мире, я слыхала, за красоту и покладистый характер и норы. Нет? *(Вьетнамец трясёт головой.)* Ну вот, видите, и вы тоже слыхали это, а он говорит - вы не понимаете по-нашему. Я вот думаю, что русский язык все народы мира понимают, он простой и понятный, и его быстро все начинают понимать. Так? А вы нам не могли бы приглашение туда сделать? Я из-за дочки, чтобы мир ей показать, в общем-то, хотелось. Как вас зовут? Наверное, как-нибудь так вот: Тянь? Да? У всех вьетнамцев такие вот имена? Тянь, да?

ДЕВОЧКА. *(Раскладывает вилки на столе вьетнамцу и старику.)* Это - тебе, это- ему, это - папи, это - снова тебе, это снова ему, это - снова папи. *(Матери.)* А тебе - нет.

БАБЁНКА. Тихо ты, дрянь чертова.

ДЕВОЧКА. Тянь-дрянь, тянь-дрянь.

БАБЁНКА. Заткнись, сказала. *(Вьетнамцу.)* Это доча моя. Доча, не балуй, сейчас шишига, бабайка придёт, ну, как ты себя ведёшь? У нас международный разговор, прием, можно сказать, мы про дружбу между народами, а ты? Поняла? Значит, Тянь? Ой, как хорошо. Надо же, до чего хорошо. Тянь, да? Тянь ...

Старик проснулся, вскочил, бежит по пельменной, машет руками.

СТАРИК. Уходите отсюда, я один досторожу! Забирай её, его и иди с ним спать.

БАБЁНКА. Да что вы меня со всеми всю ночь ложите. Спите ложитесь, давайте, сами! Спал ведь уже, нет - вскочил!

СТАРИК. Да я же вижу, что он тебе понравился - ну и иди с ним, я один буду!

БАБЁНКА. Ну, понравился. А вам-то? Он худой, жалко его. По-русскому не говорит, но понимает. Я бы его пожалела, погладила. Покормила бы.

ДЕВОЧКА. Кто тут сидит, того люблю, кладите в парту по рублю. Ну, клади? *(Толкает Старика в бок.)* Понял, нет, клади?!

СТАРИК. *(Сел, оглядывается.)* Какие дуры все бабы, ну, дуры. Сразу спать с кем ни попадя. Да ты коленку-то не сразу открывай, томи мужика-то, томи, тогда он будет к тебе прилипчивей, слышишь? А тебе надо сразу чтоб сношаться как потные грызуны.

БАБЁНКА. Да хватит вам, бессовестный, такие вещи перед иностранцами про меня, не слушайте его, Тянь.

ДЕВОЧКА. *(Машет руками перед носом Старика.)* Оса, оса - хватя тебя за волоса !..

СТАРИК. *(Тычет пальцем во Вьетнамца.)* Смотри на него, смотри. Зырит и зырит. Глаза фарцуют, аж дырки во мне делает. Ненавидит меня. Это что такое?

ДЕВОЧКА. *(Машет руками перед носом Старика.)* Муха, муха - хватя тебя за ухо!..

СТАРИК. Да я тут уже вон сколько сторожу, слышишь? И всегда был порядок. Свет выключу, на стол лягу и всё, спи до утра, а теперь что?! Сегодня - вот такое вот. Я спать не могу, будто кто в бок толкает. Он на меня смотрит всё время, будто зажарить хочет, картина эта вот, её повесили ещё, смотрит на меня, зырит. Ты слышишь, нет?

Повернули головы, смотрят все четверо на картину. Молчат. Кипит вода в баке.

БАБЁНКА. Нет. Душевная картина. Ребёночек маленький, маленький, вокруг головы - ареал, и у мамы - ареал, и старичок этот с ареалом тоже. Прямо как про нас. Я, вы, детка моя. *(Хихикнула.)* А там дальше горы, тихо-тихо, спокойно и просто люди живут, маленькие такие деревеньки, в домиках маленьких таких огонь горит на полу, они рыбу варят или кашу. И у всех такие лица хорошие-хорошие, простые, чистые, добрые. А?

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Ты чего завываешь? Ты чего поносишь?

БАБЁНКА. Да так. Помечтала вот. Подумала, а что там дальше на этой картине? А нельзя? *(Пауза.)* Я говорю: как про нас будто нарисовано.

СТАРИК. Про нас, да. Только этого там нету. Хотя там его, слава Богу, нету! Везде они, пройти нельзя! Понаехали на нашу Родину! И даже сторожить дали вьетнамца! Да что такое, русскому человеку не пройти! Чернота одна кругом.

БАБЁНКА. *(Вяжет.)* С чёрными противно. Знаю. Я знаю. Я их взвешиваю весами на улице. У меня весы есть, выйду и вешаю всех за деньги, на улице. Возле “цэгэ”. Пока милиции нету - можно всех повешать. И всё время разные подходят люди. И они, кавказцы, всё время любят вешаться. А почему не знаю. И разные грязные предложения делают при этом.

СТАРИК. Когда?

БАБЁНКА. Я говорю: у меня трое детей, а они, когда вешаются - делают грязные предложения. Простите, Тянь.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Да он не вьетнамец, говорю. Глазки сплюснуты, а так - наш. Выглядит как наш. Вор он, наводчик ли, шпион вьетнамский. Не боишься сама-то? Нас всех заколют сейчас, хари-кари сделают всем, потом сварят и пельменей наделают. *(Громко.)* Покажи паспорт, ты?!

БАБЁНКА. Ну, укатайка прямо с вами, ну, сказали же, ну?! Не понимает он по-русски, что вы пристали к нему.

ДЕВОЧКА. *(Раскладывает вилки.)* Это мамы, это папы, это мамы, это папы, это тебе, пескоструйный автомат. *(Кричит в ухо Старика.)* Струйно-пеский авто-мат! Бе-бе-бе!

СТАРИК. Во, горе выросло.

МОЛЧАНИЕ.

БАБЁНКА. *(Машет руками, Вьетнамцу:)* Уют. Сервис делают.

СТАРИК. А кресты эти зачем? Сидим как в сказке, нас со всех сторон обвели, кругом белые кресты, ну, зачем, зачем это?

БАБЁНКА. *(Вяжет, улыбается Вьетнамцу.)* Тараканов травят. Перестройку делают. И правильно. Уют и сервис везде нужен. А знаете, Тянь, мне эта пельменная дорога воспоминаниями. Если у нас такой откровенный разговор, я могу вам кое-что из своей жизни личного рассказать безусловно ...

СТАРИК. Тараканов? Нет, не тараканов! *(Вскочил, схватил белые карандаши, лежавшие в углу кучкой, бежит по пельменной, кресты белые рисует, и даже на полу белый круг сделал, кричит.)* Вот, чтобы никто не вошел, ни один таракан, ни один вьетнамец, будем сидеть так! *(Прокричался, сел на стул, молчит, вертит головой в разные стороны.)*

МОЛЧАНИЕ.

БАБЁНКА. Тянь, это он допился, не обращайтесь внимания, у него “белочка”, это такое, чисто наше, русское. Белая горячка, то есть.

СТАРИК. Молчи! Правильно я всё делаю! Сама “белая горячка”!

БАБЁНКА. Да надоед уже - кричит и кричит. Сядьте! Говорите вон с народами всех стран, дружите с ними, контакты налаживайте, раз такая возможность, ну?

СТАРИК. С кем говорить, какие контакты? С ним? Какой с ним разговор? Он молчит и молчит, армяшка-в-жоппе-деревяшка, думает нас поубивать, слышишь? Ты не думай там, слышишь? *(Грозит Вьетнамцу пальцем.)* Видишь - я круг сделал, ни один подельник твой не войдет, понял? Это русский заговор, ты еще не знаешь про нас, про русских все, как мы заговаривать можем, слышишь?!

БАБЁНКА. Да тихо вы, пристали вот! У нас международный разговор, беседа на высшем уровне, можно сказать, а вы - валенками. Так вот, Тянь. Нечто личное я хотела рассказать. *(Вяжет.)* Я шла мимо пельменной и вдруг моя доча во мне зашевелилась, толкнулась в первый раз. У меня, вообще-то, трое. А это было пять, что ли, лет назад, с дочей вот этой. И так страшно и сладко это было, я к углу прислонилась, молчала и слушала: что дальше будет. И так сладко и страшно стало, и первая мысль: пойду в церковь, поставлю свечку непременно, потом сходила. И стояла вон там и думала, что Бог был тоже маленький, и его такая же женщина, как я родила, и такое же она чувствовала, когда им ходила. И не знаю, почему я такое подумала, странное, умное даже. Только она шла там, по этим горам, мимо этой природы, а я тут, мимо пельменной нашей. Не поняли, что я хотела сказать? Ну, я проще: а что ваша мама делает сейчас, Тянь?

МОЛЧАНИЕ.

ВЬЕТНАМЕЦ. Мама. Мама. *(Что-то показал руками.)*

БАБЁНКА. *(Смеётся.)* Вот, вот! Есть! Есть у него мама!

СТАРИК. Кончай базарком, ты, ангидрит твою перекинь марганца?! Выключить свет надо и спать всем!

Вдруг захрапел, сидя на стуле, головой во сне мотает.

МОЛЧАНИЕ.

БАБЁНКА. Какой-то он мужчина зоологического типа, необразованный просто. Вы не думайте, Тянь, что все русские одинаковы. Ну вот. Про что я говорила-то? Он мне все мысли своим присутствием смешал. Я вам, Тянь, что-то такое важное начала рассказывать, а вылетело теперь, он мне всё смешал в голове. Про что это я говорила? А,

про церкву. Я там редко бываю, вообще - никогда. Меня там в тот раз женщина одна напугала сильно: она стояла на коленях, такая женщина - моих лет и так страшно молилась, и всё кланялась, и кланялась, и крестилась, и я подумала про неё: какие же у неё, наверное, грехи страшные, что она так страшно молится, как будто она людей убивала, жгла, вешала, так страшно она грехи свои замаливала, так страшно стало мне за неё.

МОЛЧАНИЕ.

Нет, не то говорю. Он мне всё смешал. (*Будит Старика.*) Идите обход делать!

Старик проснулся. Повернулся к Вьетнамцу, смотрит ему в глаза, Вьетнамец что-то пишет.

СТАРИК. Ну?

ВЬЕТНАМЕЦ. Ну.

СТАРИК. Как тебя зовут - рассказывай?

ДЕВОЧКА. Иди обход делать. Обворают вот нас. Седьмой раз спросил. Тянь его зовут! Тянь!

БАБЁНКА. Не лезь! Играй вот! Иди ещё вилки возьми и не лезь, когда взрослые! Тянь, сказали же вам, ну?

Девочка пошла на кухню, читает надписи на баках:

ДЕВОЧКА. Хлор-ка ... Для по-лов ...

СТАРИК. Тянь. Тянь, бьянь, мянь, кьянь, сянь, льянь, рянь. Сунь кунь в чай вынь сам пей. Понял, чё я сказал?

БАБЁНКА. Пробки у вас повышибало сегодня, что ли? Да что он сегодня пристал к нему, а? Поговорить не даст! Что вы такое говорите? Укатайка прям с вами.

СТАРИК. Понял, нет? Тянь. То Яма То Канава. Среди мудаков сильно распространено это имя, да? Тянь.

БАБЁНКА. Почему это?

СТАРИК. У меня сосед грузин - его тоже так зовут. Тянь-Тянь. Дай юань на хань.

БАБЁНКА. Ой, какой вы, а? Надо дружить с народами всех стран. Тянь, не слушайте его. Не слушайте. Не все русские такие одинаковые, как кажутся на первое впечатление. Будьте добры, прекратите давайте. (*Вытерла под носом.*) Сторожите дальше, но без скандалов и выяснений. Идите обход делать, мы посидим тут, посторожим, сейчас пельмени сварятся, поедем русскую пищу, иностранцу важно русскую пищу поесть, вода закипит, вот и поедем.

СТАРИК. Обязательно жрать им. Молчи, не сявкай, сыроежка блатная. Мы с тобой - русские, мы договоримся. А вьетнамцев нам в сторожа, чтоб сторожили богатство нашей Родины - до такого Россия ещё не докатывалась!

БАБЁНКА. Он студент, наверное, подрабатывает, наверное, и вьетнамцы тоже люди, им тоже есть хочется. Правда ведь, Тянь?

ВЬЕТНАМЕЦ. Правда.

БАБЁНКА. (*Радостно.*) Ой, сказал: "Правда"! Ой, сказал! Говорит, надо же! Прав-да, да? Прав-да. Газета "Прав-да", да? Я же сказала, что русский язык все народы понимают и быстро обучаются ему, потому что он простой и лёгкий, так ведь, Тянь, правда?

СТАРИК. Ишь, бурундук, сидит, "правда" говорит. Какая тебе тут к хернанам правда? Какую тебе тут правду надо? Тут русская правда кругом.

БАБЁНКА. Да отстаньте вы от него.

СТАРИК. Куртофан у него зыканский. Вьетнамцы не работают, а только на рынке спекулируют. А он - тут. *(Кричит.)* Ты почему тут, э, ну?

БАБЁНКА. Отстаньте от него, он по-русски не сильно, учится пока, но всё понимает. А главное - он нас защитит, потому что все вьетнамцы могут кунфу или дзюдо, так ведь, Тянь? Они все маленькие, но жилистые, у них мускулы есть, хоть и не видно.

СТАРИК. Прямо так его разглядывает, прямо раздевает. Любовь, ага? В кого? Во вьетнамца! В смесь татарина с кобылой! Да я тебе говорю, может, он - вор? *(Открывает газету.)* Кругом воры. Вот, слушай: "В городе действует бурятская мафия. Под видом сторожей они проникают в доверие к сторожам разных предприятий, в том числе и общественного питания..." Хернаны поймёшь, чё сказал.

БАБЁНКА. Ничего не понимаю. Да что вы всё врётё? В газете так пишут? Буряты, да ещё и в доверие? Так пишут?

СТАРИК. Пишут!

БАБЁНКА. Обманываете всё.

СТАРИК. Правильно пишут: доверять никому нельзя!

БАБЁНКА. Ну, прямо укатайка с вами. Дак то ж бурятам. А он вьетнамец. Правильно, Тянь?

СТАРИК. Да он сидит уже третий час, слушает, скучный, молчит, на нервы действует, кислый, про себя не расскажет, зачем мы тут собрались? Про себя рассказывать! Давай?! Ну? И не пьёт, главное.

БАБЁНКА. А вы налейте.

СТАРИК. Сейчас, отлил вам. Хернаны вам, суки, моего горячего, понял?!

БАБЁНКА. Прекратите. Охраняйте, пожалуйста, дальше. Он послан к нам Богом, то есть, на усиление, и правильно. Вы тут раньше сторожили? Ну, теперь ясно. Три раза за последнее время пельменную обокрали, в газетах писали.

СТАРИК. В мой огород кинула? Даунклуб. Всех собрали. Баб, детей, вьетнамцев пельменную сторожить, на картину смотреть. Врут всё. *(Шепотом.)* Я не боюсь правду сказать. Вы - боитесь, а я - не боюсь. Все ваши газеты "Правды" врут. Ничего тут не обворовывали. Я тут сторожу. Тут тараканы да крысы только. Тут они с директором сами всё повыкрали, а теперь говорят.

БАБЁНКА. *(Вяжет.)* Ну, вы это начальнику смены скажите. А мне - за смены платят. Меня назначили сюда, я и работаю. У меня - трое. Вдруг проверка, он придёт, а меня нету. Что тогда? Идите на обход.

Старик встал, бормочет что-то, ушёл, брэнча ключами.

МОЛЧАНИЕ.

Вьетнамец вдруг подошел к картине, смотрит на неё. Показал пальцем на младенца. Повернулся к Бабёнке, слёзы у него из глаз бегут.

БАБЁНКА. Что, Тянь? Что вас интересует? В смысле, что это там такое, да? Ну вот, и вы, Тянь, тоже интересуетесь этим. *(Улыбается, встала, подошла к картине.)* А почему плачете, Тянь? Почему?

МОЛЧАНИЕ.

Не надо плакать, Тянь. А то я тоже. Интересно вам, что там, на картине, дальше, да? Вот там горы, реки, там солнце всходит, там, наверное, люди живут. Как они там жили, интересно? Там, наверное, трудно людям было. Там никаких не было приспособлений для быта, в смысле. Там не было всяких аппаратов. Да и электричества не было. Ведь так, Тянь? А значит - было трудно им. Бедные, как они там жили.

МОЛЧАНИЕ.

Вьетнамец тычет и тычет пальцем в картину, что-то сказать пытается.

Картину сюда зачем повесили, да? Это хотите спросить? А я считаю, что правильно. Пусть висит. Тут всегда алкаши разные собираются, выпивают, шумят, кричат, курят. Вот чтоб они не кричали, не выпивали, не шумели, молчали, смотрели бы на картину и что-то хорошее думали бы про то, что там - дальше, и вообще про жизнь. Может, это кто-то из посетителей и нарисовал картину, и подарил для пельменной, для уюта. Есть ведь и выпивающие художники, вот он и нарисовал. Для того, чтоб все думали - и выпивающие, и не выпивающие.

Вьетнамец смотрит на Бабёнку, молчит, плачет.

Надо всегда думать, правильно вы говорите, Тянь. Тридцать лет - и нету человека, уже ему навстречу или сзади другой идёт, а этот - умирает. Быстро-быстро всё. Вот у меня когда сестра умерла год назад, ей было тридцать, болела сильно, умерла и я её хоронила, и подумала тогда у гроба, что я что-то такое важное поняла про жизнь, про всё-всё вокруг и долго про это думала, что я стала такая умная, добрая к людям, мудрая какая-то сильно. Все ночи напролет плакала. Лягу на спину и плачу, плачу, у меня вот ямка тут на груди слез полная, целая ямка слез. А теперь год прошел и все забылось, стерлось и не помню, что это я такое важное поняла тогда. Забыла. И жизнь идёт так. Целый день бегаю, бегаю, жрать достаю для своих короедов, у меня их трое, а отца нету, так вышло. Бегаю, бегаю, сумками домой жратву таскаю - то там урву, то там урву, ращу их, кормлю, все просят - жрать дай. У меня вот руки длинные, вытянутые - знаете, отчего? От сумок от этих. *(Пауза.)* Тянь, что вы сказать хотите? Скажите, ну? Ну, ладно, я тогда спрошу вопрос: у вас мама есть, Тянь?

ВЬЕТНАМЕЦ. Мама. Мама. *(Что-то показал руками.)*

Вьетнамец молчит, смотрит на Бабёнку. Та вдруг засуетилась, подтолкнула Девочку к нему.

А она у меня петь умеет. Да, ведь, доча? А ну, спой что-нибудь для дяди. Он нам приглашение сделает во Вьетнам, мы туда съездим и посмотрим, там, доча, так же красиво как на этой картине, везде бананы и апельсины. Спой, дурочка, застеснялась. Пой, ну?

ДЕВОЧКА. Уй!

БАБЁНКА. Пой, сказала, пой, если во Вьетнам хочешь! Хочешь?

ДЕВОЧКА. Хочу!

БАБЁНКА. Ну, пой!

ДЕВОЧКА. Не ори, спою! *(Поёт и танцует.)*

Как у нашей бабушки, бабушки-старушки
Шестеро налётчиков отобрали честь!
Гоп-цоп, перверцоп, бабушка здорова!
Гоп-цоп, перверцоп, кушает компот!
Гоп-цоп, перверцоп, и мечтает снова!
Гоп-цоп, перверцоп, пережить налёт!

МОЛЧАНИЕ.

БАБЁНКА. Тебя в садике научили говну этому? Ты чёкнулась, что ли, такое петь? Ты чего запела-то? Ты пой что-нибудь русское для иностранцев! Давай, ну?

ДЕВОЧКА. *(Молчит, потом вдруг кричит истошно.)* Баба сеяла горох, ох, ох, ох, ох! Села, поела, опять пошла! *(Танцует с вилками.)*

БАБЁНКА. Вот, молодец, другое дело.

Старик вошёл, видит Бабёнку и Вьетнамца у картины. Сел за стол, достал бутылку из-за пазухи, пьёт. Злой.

СТАРИК. *(Вьетнамцу.)* Слушай, у тебя резьба в заднице есть?

БАБЁНКА. Нет, у него нету, пристал!

СТАРИК. Нету? Такой молодой, а уже сорвали. *(Хохочет.)*

БАБЁНКА. Вот ведь, а? Пристал. Есть, есть!

СТАРИК. Такой молодой, а уже навернули. *(Хохочет.)*

БАБЁНКА. Ну что вам надо?

СТАРИК. *(Кричит Вьетнамцу в ухо.)* Даже из братского Вьетнама нам с резьбой - не надо!

БАБЁНКА. Он же не глухой, а иностранец, что вы орёте? А ты играй, дура, дальше, скоро три, скоро со смены домой, завтра в садик пойдешь, не хочешь вот спать, будешь завтра зевать весь день, дура!

СТАРИК. Иди домой, а? Оба, трое идите домой, все. И он пусть, забирай. А я буду один. Да я Берлин брал! Никто не залезет! Кто залезет? Кто украдёт?

БАБЁНКА. Да помолчите вы, Берлин.

СТАРИК. Ты пельмени запустила?

БАБЁНКА. Кипят, скоро будут.

СТАРИК. Да он шпион вьетнамский. Наши секреты все узнать хочет.

БАБЁНКА. Какие тут секреты в пельменной?

СТАРИК. Ну, мало ли. Узнает про технологию приготовления пельменей, понимаешь, и там создаст кооператив, во Вьетнаме, и потом разбогатеет и будет, понимаешь, большой человек, остров купит или ещё чего. Вот проверю - шпион или нет. Эй, ты, а ну - перекрестись вон на Иисуса Христа на нашего, проверим - провалишься сквозь землю или нет?

БАБЁНКА. Ну что вам надо, а? Идите ложитесь спать, мы сами будем сторожить. Надо жалеть вьетнамцев.

СТАРИК. Даунклуб, блин. Зачем это? Почему это я их должен жалеть? А меня кто пожалеет?

БАБЁНКА. Американцы с ними воевали долго, и они такие худенькие. Я их, когда вижу на улице, мне прям жалко, прям обняла бы и поцеловала бы и сказала: "Мы с вами, мы вместе!"

СТАРИК. Так и хочет на своё, так и ищет, так и обнимает. Наобнималась уже, сколько короедов у тебя, три, нет? Ну, давай ещё сделай парочку. Так и намекает, мол, мужика бы мне, да понастойчивее. Сейчас мы его проверим на шпиона, расколется. Как на детекторе лжи у нас было на фронте.

БАБЁНКА. Да на каком вы фронте были?

СТАРИК. Молчи! Были! Не ныть! На жалость в подвалах Лубянки не брать! Эй, ты, я сказал тебе - крестись, ну? Видишь - не крестится. А ты его собралась пельменями кормить.

БАБЁНКА. Не обращайтесь внимания, Тянь. Садитесь. Не все русские одинаковы. Он про маму что-то хотел сказать, а вы его перебили, не стыдно? Скажите, Тянь, ну? Скажите?

СТАРИК. Вот пристала.

Крутит ручку радио. Диктор говорит: "Божественный голос, неповторимый дар снискали ему огромную популярность не только в нашей стране, но и за рубежом. По заявкам шахтеров

Кузбасса мы передаем чудные мелодии в исполнении Робертино Лоретти ..." Робертино Лоретти завыл "Джамайку".

(Вьетнамцу, кивая на радио.) Это ваш?

Вьетнамец кивнул головой, размазывает слёзы по лицу.

Складно поёт. Ваш?

БАБЁНКА. Укатайка с вами. Да это же итальянский соловей.

СТАРИК. А Иисус Христос в Италии родился? Конечно, в Италии. Вот там местность - как Италия прямо. Такие горы и равнины. Вижу горы и равнины, вижу реки и моря, это чудные просторы, это Родина моя ...

БАБЁНКА. Ну прям уж в Италии.

СТАРИК. А где тогда? Во Вьетнаме? Ай, да что ты сидишь тут, куksiшься, международный приём устраиваешь? Да чхал я, что он вьетнамец-иностранец-засранец. Разговаривай с ним по-русскому, по-нашему. Я вот иностранцев не боюсь, а хернаны мне.

БАБЁНКА. Ну, прям укатайка с вами. *(Встала, пошла на кухню, мешает пельмени шабалой.)*

СТАРИК. *(Кричит ей вслед.)* Эй, ты, "Укатайка", у тебя задницу юбку съела!

БАБЁНКА. *(Повернулась, смотрит.)* Прям уж, где? *(Одёрнула юбку, Вьетнамцу.)* Тянь, не обращайте внимания, он хочет показать меня в невыгодном свете. Пойдите, Тянь, он уснёт, и мы с вами хорошенечко про моё приглашение и про вашу маму поговорим. Извините, Тянь.

Мешает пельмени, припевает с Робертино Лоретти: "Ямайка-а-а, Ямайка-а-а ..."

СТАРИК. А вот и не усну я тебе!

ДЕВОЧКА. Не мычи, а то отелишься, понял?

СТАРИК. Ну вырви глаз какой, ох и бойкая, горе растёт, а? Бойкая девочка растёт, вьюнок прямо, пальца в рот не клади, хорошая девочка, бойкая ... *(Гладит Девочку по голове, выпивает из бутылки.)* Хорошая девочка растёт, говорю, ты, слышишь? Бойкая, весёлая, здоровенькая. Наша смена, понимаешь? Новое поколение, новое дежурство, понимаешь, Тянь? Ничего ты не понимаешь. *(Громко.)* Я тут третий год дежурю, слышишь? Всегда один был, понял? Мне директор пельменной всегда пельменей оставлял, для сторожа, резерв такой. И вареных, понимаешь, и невареных, понимаешь, нет? А с вами ... *(Очень громко.)* А с вами мне в четыре раза меньше пельменей достанется, понял ты, Тянь, нет? Иди домой, в свою общагу! Я сам досторожу, не обкрадут, не бойся!

МОЛЧАНИЕ.

Я говорю, что я сегодня в четыре раза меньше поем пельменей, а ты не понял? Там суп есть, ешьте его, а я пельмени буду.

БАБЁНКА. Он прокис этот суп, позавчерашний.

СТАРИК. Ну и что? Перекипяти и ешь.

БАБЁНКА. Да противно.

СТАРИК. А водку пить тоже противно, а пьешь ведь, так, нет? Ну и с супом тоже. Почему я должен сегодня в четыре раза меньше? Из-за вас? Из-за него?

БАБЁНКА. *(Пришла, села, вяжет.)* Непокойный вы, нервный, вам нервы лечить надо. Да ведь, Тянь?

СТАРИК. Где пельмени, сказал, ну?

БАБЁНКА. Варются. Скоро будут.

СТАРИК. Да чтоб тебя так дети твои кормили бы. Я знаю, ты ждёшь, чтоб я заснул, а вы чтоб мои пельмени съели. Мой порцейшен, по-вьетнамски выражаясь, да? Ням-ням, да? А вот хернаны вам. Идите домой, скоро уже сварятся!

БАБЁНКА. Ну да, домой. А вдруг проверяющий. А мне денег надо. Я другой такой хорошей работы не найду. Мне, Тянь, к примеру, очень удобна эта работа. Правда, доченька? Вытрись, грязная стала, что такое? Да, удобно. Везде что-то прихватить можно. Между нами говоря, конечно. Я и макаронную фабрику сторожила, овощную базу, кидали всё время туда на усиление. У меня трое, хочешь не хочешь - корми их. Вот, сегодня тут на один раз, а может и на чаще. А на улице взвешивать тоже, знаете, не фонтан. А тут через три дня на четвёртый в ночь работать. А мне садик платить надо завтра, войдите в моё положение.

СТАРИК. Ну, заразы какие попались, не выгонишь вас.

МОЛЧАНИЕ.

(Вьетнамцу.) Э, ты, слушай: у тебя морда будто по голове чайником били, слышишь, Тянь? А вот там на картине - похоже на Вьетнам, нет? Такое же всё или хуже? Или лучше? И вот так вот женщины с бананасами есть вот такие вот?

БАБЁНКА. Ананасы и бананы.

СТАРИК. Молчи. Есть?

БАБЁНКА. Есть. Есть. Есть. Пристал, поговорить не даст.

СТАРИК. Э, шпион, пельмени-то будешь русские жрать?

БАБЁНКА. Он йог, он пельмени не будет, он мяса не ест, отстаньте от него.

СТАРИК. Тянь, да какое там мясо - ухо горло нос, тиська-миська-хвост. Ливер. Йогнутый Тянька. Видишь, какие мы добрые - тебе, собака, пельменей даём. А ведь сами хернаны последний без соли доедаем, слышишь? Да конечно: он наш, вьетнамский или даже русский шпион.

БАБЁНКА. Да прям. У него глаза сплюснутые, не видите?

СТАРИК. Да потому что это влияние радиации, а на самом деле он - из Нижнего Тагила, да! Шпион: "То Яма То Канава".

БАБЁНКА. Да отстаньте вы! Люди деньги зарабатывают, отстаньте, сторожите дальше и молчите или говорите что-нибудь жизненное. Товарищ вот издалека, ему надо создать соответствующее впечатление о нас и нашей стране, верно, Тянь? *(Вытерла под носом.)*

СТАРИК. Тут я всегда сторожил и сторожить буду, тут моя территория! Да я Берлин брал! А вас прислали мне в подмогу, что ли?

БАБЁНКА. Мне начальник сказал, что вас увольнять будут. Что вы на работе выпиваете. Прихватить - другое дело. А говорят, пришли проверять вас неделю назад, а вы - в дым.

ДЕВОЧКА. В дупель набузгался!

СТАРИК. Кто?! Я?! Набузгался?! Сказал так?! Тянь, не верь этой твари. Иди откуда пришла.

ДЕВОЧКА. Я дам тебе.

БАБЁНКА. *(Стукнула Девочку по голове и ногой топнула.)* Сядь! *(Старику.)* А что ж тут обижаться. Правда.

Пауза.

СТАРИК. Выгнать хотят? Да пусть. Плевать. У меня как у ветерана войны пенсия ого-го, ясно? Вот, видала, у меня на шее - сумочка-педерастичка с деньгами. Знаешь, сколько там? Ну, вот и молчи.

БАБЁНКА. Прямо укатайка с вами, сразу было ясно.

СТАРИК. Да плевать. Пусть гонят. Прямо сейчас уйду. Уйти?

БАБЁНКА. Да сидите. Или как хотите.

СТАРИК. Нет, я вам малину испорчу. Не уйду вот. Вы хотите без меня как потные грызуны, а я не дам. Нет. Буду сидеть тут. Пельменей поем, посплю и пойду. Значит, к ногтю меня, а на моё место значит - тебя и Тяньку эту. Ну-ну. Я начальнику этому, падле такой, завтра бэбики потушу. Разберусь! Вот оно, отношение к ветеранству, к памяти, понимаешь, павших ...

ДЕВОЧКА. Мамка, сколько вилок в сумку положить?

БАБЁНКА. Положи штук десять. Не заметят.

СТАРИК. Зачем вам?

БАБЁНКА. Продадим на рынке. А что? У меня дети, их кормить надо. А это - приработок.

СТАРИК. Сторожа. Вот оно - наши сторожа. Вот они - молодёжь и подростки. Нарисовали вилкам ноги. Я вот доложу начальнику. Вот кого гнать надо. Малолетних воровок, их матерей и вьетнамцев. Где телефон? Я позвоню!

БАБЁНКА. Да спи ты уже, совсем пьяный стал, не даст поговорить с человеком! Всё впечатление о нашей родине перед ним испортил, не стыдно?

СТАРИК. Я вот позвоню, про вилки расскажу!

ДЕВОЧКА. А бутылки со стола брать?

БАБЁНКА. Зачем?

ДЕВОЧКА. Сдадим! Воду выльем эту и сдадим!

БАБЁНКА. Помощница растёт, видите, Тянь. Эти нерусские, доченька, бутылки, неприёмные. Она ещё во многом не разбирается, Тянь, учить её надо, мир показывать. И это не вода, доча, а уксус, оставь, пусть стоит для посетителей, что же, тоже им надо оставить ...

СТАРИК. Бойкёхенькие вы две, гляжу. И бутылкам ноги приделали. Сидим тут, сторожа, октябрятская звёздочка. Видишь, Тянь, ты, кореец-красноармеец? Вот кто разворачивает нашу Родину могучую! Вот такие!

Старик встал, не держится на ногах, упал. Снова поднимается.

БАБЁНКА. Да ложитесь вы уже! Совсем кривой стали ...

СТАРИК. Ладно. Пусть тут вьетнамцы сторожат всё. Мне это - как козе баян. Не дают русским жить. Всё. Зажимают.

ДЕВОЧКА. Мамка, там мука лежит в мешках, сколько наложить?

БАБЁНКА. Наложит килограмма три или побольше. *(Вьетнамцу.)* Вы не подумайте что, Тянь. Это так, как бы заработок, добавок к зарплате наш. Не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

СТАРИК. *(Качается, ходит по пельменной, подошёл к картине ближе, рассматривает её.)* Стекло снаружи. Хорошее, толстое. А там картинка эта. Мы в стекле отражаемся. Будто не трое нас там, а сто человек, банда, полк, легион сидит и пельменную сторожит, и пельменей

ждет, чтобы пожрать. А на всех - полкило. Скоро сварятся, скоро нажрётеся, скоро. *(Стучит по стеклу пальцем.)* Ты, кухарка, курица, скоро?

БАБЁНКА. Скоро. Ждите.

СТАРИК. Мне заесть надо чего-то быстрее. А то у меня по горло водка, а сверху окурки плавают.

БАБЁНКА. Прямо укатайка с вами. Ложитесь спать вон.

СТАРИК. *(Смотрит в картину, плачет.)* Иисус Христос, э, слышишь?! Скажи мне, как я вот теперь без работы, выгонят вот, как я, а?! Иисусе Христе, тебе говорю, слышишь, нет?!

БАБЁНКА. А может - он пугает. Пойдите делать умозаключение. Успеете. Проживете и так, в общем-то, раз пенсия. Бабушка у вас есть, нет?

СТАРИК. Нету бабушки. Нету бабушки-старушки. Есть только я - дедушка-старичок. Была бы бабушка-старушка-перверцоп ... Вот такая вот жена была бы вот у меня ... *(Тычет пальцем в картину.)* Такая вот красивая, добрая и чтоб вот так давал бы я ей бананасов пожрать за то, что она мне детку сделала. Нету. Соседка вот сбоку достаёт, чтоб дверь прорубить, квартиры соединить, перестроиться, зелени искусственной навешать, чтоб красиво было бы, как во Вьетнаме, слышишь, Тянька? А если говорит, не согласишься, то порчу на тебя пушу, к знахарке пойду, и финиш тебе, старый козёл, говорит ...

БАБЁНКА. Порчу? А вы адресок не спросите у нее, адресок знахарки этой?

СТАРИК. Тебе зачем?

БАБЁНКА. У бедной одинокой женщины всегда много врагов найдётся. И у вас во Вьетнаме так же, Тянь, нет? Ну, и что вы решили, пробивать стенку или нет?

СТАРИК. Она кровать поставила, чтоб между нами только стенка была бы, и спит, скребётся по ночам, а я слышу. Я ей наврал, что стенка несущая и если дырку пробьем, то дом весь завалится. Но она, знаю, пойдет, узнает в домоуправлении или где надо, что стенка не несущая и потом опять будет меня пилить и про знахарку пугать. И спит за стенкой, рядышком, сучка такая старая. А утром говорит: "Нас разделяет только стенка ..." и жмурится, как кошка, а сама старая, старая, от неё смертью пахнет уж. "Химию" себе сделала, кудри. Я вот тут по ночам был, дак прямо отдыхал, что дома не надо спать. А теперь - не знаю. Так было раньше, что приду и сплю днём, спокойно днём, она днём бежит по улицам, на людей лает или на лавке сидит, всех обсуждает. Куда я теперь, раз выгонят?

БАБЁНКА. У вас денег много на шее.

СТАРИК. Чужие не считай, в свой карман заглядывай! *(Вьетнамцу.)* Что ты там пишешь?

БАБЁНКА. Письмо маме он пишет.

СТАРИК. Какой, хернаны, маме?

БАБЁНКА. Своей маме во Вьетнам.

СТАРИК. Правда?

БАБЁНКА. Правда.

СТАРИК. А что он пишет?

БАБЁНКА. Про всё, что тут. Про нас. Про картину эту вон.

СТАРИК. И про меня пишет?

БАБЁНКА. И про вас пишет.

СТАРИК. *(Гладит картину рукой.)* А что он там про меня написал - дай посмотреть.

ДЕВОЧКА. Не лезь, дурак, чужое письмо.

БАБЁНКА. Он пишет, что русские люди добрые, и он с ними сторожит пельменную, так ведь, Тянь?

СТАРИК. Правда? Так и пишет?

БАБЁНКА. Так и пишет.

СТАРИК. Где он это написал?

Подошёл к столу, заглядывает в письмо.

Дак тут же не по-русскому. Как же она не по-русскому поймёт.

БАБЁНКА. У него мама нерусская.

СТАРИК. Всё равно пусть пишет по-русскому. А то откуда мы знаем, может - он донесение в свой штаб пишет, стучит на нас что-нибудь, докладывает секреты военные, а мы сидим и потакаем, не препятствуем ему. Может, у него рация где в кустах возле пельменной закопанная, а?

БАБЁНКА. У него мама не поймёт по-русскому.

СТАРИК. Пиши! Я тебе диктовать буду: милая мамочка, во-первых строках моего письма сообщаю что. Что. Что!

БАБЁНКА. Что?

СТАРИК. Сообщаю, что я жив-здоров, чего и вам желаю ... Милая мамочка. *(Заплакал.)* Милая мамочка ... *(Подошёл к картине, пальцем водит по ней, плачет, встал возле картины на колени, прижался к стеклу головой.)* Милая мамочка... Я совсем недавно был вот такой маленький, а теперь старый мудень стал ...

БАБЁНКА. Да вы пьяный стали, плачете, перестаньте, Тянь видит ...

СТАРИК. *(Сел за стол, уронил голову на руки, плачет.)* Пиши, пиши, Тянь ... Милая мамочка, я жив-здоров, ну, куда здоров, худой, больной, туберкулезный, русские люди все здоровые, а я больной-пребольной, простуженный, обмороженный, дошёл так, что пельменную с алкашами сторожу ... А знаешь, Тянька, я был маленький и у нас была машина швейная, мамка на ней шила, деньги зарабатывала. Целый день на ней стучала и стучала, колесо крутилось, крутилось, а мне не разрешали к машине подходить, чтоб не сломал, слышишь ты, нет?! А потом она, мамка, уходила куда-нибудь, а я садился вниз, на железную педаль машины, залезал под машину и ехал будто в трамвае, крутил колесо и сам звонил, звонил и думал - я трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай, трамвай ...

МОЛЧАНИЕ.

БАБЁНКА. А дальше?

СТАРИК. Что дальше?

БАБЁНКА. Что дальше писать?

СТАРИК. Он по-русски заговорил, слышишь? Что ты последнее написал?

БАБЁНКА. С алкашами сторожу ...

СТАРИК. Да это-то не пиши, голова садовая. Эх, милая мамочка. В мыслях я навещаю домик ласковый твой, как живешь ты, родная, сердцу сыну открой ... Я служу на границе! Где таежная мгла! Мама, милая мама, как тебя я люблю!

БАБЁНКА. Не складно.

СТАРИК. Молчи!

БАБЁНКА. Что писать?

СТАРИК. Пиши, что хочешь, дурень вьетнамский. Всё равно мне. Ну вас. Спать вот лягу. С твоими пельменями не дожидаться. Они комком стали. Их шилом теперь есть надо.

Послужил палец, нарисовал слюнями на стекле крест. Махнул рукой. Пошёл к столу, залез на него, устроился и сразу заснул, захрапел.

МОЛЧАНИЕ.

Бабёнка выключила свет. Сидят за столом с Вьетнамцем в темноте, Девочка на коленях у матери.

БАБЁНКА. Вы на него не обижайтесь. Он воевал, видно, не по правде. Но жалко его. Большой. Жалко его. Заплакал весь вот. Укатайка с ним. И про нас не думайте плохо. Тут мука не играет роли. Тут деньги брали в кассе. Наверно, и сейчас есть. Они деньги раз в неделю сдают инкассатору. Несильно сюда ходят, покупают тут всё. Алкаши - они со своими бутылками и закусками приходят сюда ...

МОЛЧАНИЕ.

Бабёнка наклонила голову, и вдруг заснула, прижав к себе Девочку.

Вьетнамец сидит, выпрямив спину. Полумрак. На картине отблески фонаря с улицы.

Вьетнамец встал вдруг, подошёл к картине.

ВЬЕТНАМЕЦ. *(Шепотом.)* Я шёл по улице, там, где подвальчик, на углу Бажова и Куйбышева, ну, там, где пельменная, знаете эту пристройку в торце пятиэтажки на Бажова, та, которую санэпидемстанция четыре раза закрывала из-за крыс и тараканов, так вот, тот подвальчик, в котором я когда-то стоял в очередях и сдавал пустые бутылки, а потом покупал на вырученные деньги “Беломор” и хлеб. Так вот, я там у пельменной и подвальчика, шел, и солнце было. Я всё время хожу и думаю о чём-то. Так вот. Так вот. И вот у подвальчика у этого подумал вдруг что-то страшное и странное. Потому что вдруг толкнуло в бок, нет, в грудь, или в животе застучало ногами что-то или кто-то. И я тогда я понял, понял вдруг, что внутри меня - живёт маленькое существо. Я не знаю, как оно выглядит, может быть, как маленький котёнок, оно такое крохотное, в клубочек свернувшееся, и главное у него - кожа. Она нежная, бархатистая как у персика, с маленькими крохотными ворсиночками кожа. И она чёрная, чёрная-пречёрная, чёрного цвета, она в темноте росла, не видела солнца и потому не стала белой, и она всегда там будет, вернее, Он - там будет.

МОЛЧАНИЕ.

Я остановился у подвала этого, вздрогнул, испугался, подумал, что я с ума схожу, вздохнул глубже и Оно, ОН, существо это, зашевелилось, потому что я о Нём подумал, а мы с Ним - каждой жилкой, плоть к плоти приросли друг к другу, живём всегда и будем жить.

МОЛЧАНИЕ.

И вот там на улице, возле подвальчика, в котором я бутылки сдавал, и возле пельменной возле этой грязной, я понял вдруг, что это Бог во мне живёт. И когда я плохо, подлю, неправильно, нечестно что-то делаю, в него будто иголки, в его чёрную бархатистую кожу вонзаются, ему больно, он плачет, черные слезы бегут, он просыпается, ворочается, а так он спит обычно. И если много сделать плохого ему, ему, да, ему, не себе, а этому маленькому чёрному ребёнку - если много сделать не по-людски, то можно его вообще убить, это маленькое существо, этого черненького человечка с бархатистой кожей. И Он - то царствие небесное, которое в тебе. Он с чёрной кожей, но от Него свет яркий, тот свет - который в тебе. Он - Бог и Он - это ты. Это я.

МОЛЧАНИЕ.

И я пошёл тихо, медленно, потому что нельзя быстро идти, для него нельзя идти быстро, он спит. *(Молчит, улыбается.)* Ну вот, сказал всё, что там у подвальчика и у пельменной этой подумал, так страшно было сказать это, но вот сказал. *(Молчит.)* Молодец. Наврал ведь всё вам. Пельменная в одном конце города, а подвальчик в другом. Они не живут вместе на

углу Куйбышева и Бажова. Нопельменная есть. Её и правда санэпидемстанция четыре раза закрывала из-за крыс и тараканов. Закрывать-то закрывали, но потом всё равно снова открыли - кушинькать-то всё равно хотца, ведь так?

МОЛЧАНИЕ.

Вьетнамец сел на свой стул.

Бабёнка проснулась, улыбнулась, Девочка тоже голову подняла. И Старик не спит, оглядывается вокруг.

БАБЁНКА. Вы что-то говорили, Тянь? Или это радио? А?

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Ты слышала?

БАБЁНКА. Чего? Останьте. Я что хотела спросить, Тянь ...

МОЛЧАНИЕ.

Смотрит то на Старика, то на Вьетnamца.

А во Вьетнаме гром бывает?

Вьетнамец кивнул головой.

А звёзды с неба тоже падают?

Вьетнамец кивнул головой.

А я вот думаю, что там и природа другая, не такая, как тут.

Вьетнамец кивнул головой, вытер слёзы.

А зачем вы, правда, тут сторожите, Тянь? А зачем вам деньги-то?

ВЬЕТНАМЕЦ. Мама ... Мама ... Мама ...

Вдруг зарыдал, закрыл лицо руками.

ДЕВОЧКА. Чего он, мамка?

БАБЁНКА. Тянь, что с вами? Вы из-за муки? Да мы её положим назад. И горчицу вынь, выстави, смотри, как он разнервничался. И вилки тоже.

ДЕВОЧКА. И вилки?

БАБЁНКА. И вилки! Что с вами, Тянь? Я знаю, молчите!

Взяла руки Вьетnamца в свои, дует на них, гладит.

Картина там эта ... Как дома там. Тут холодно и страшно. Ваша мама сидит сейчас у пальмы, варит рис, пробует его деревянной ложкой и плачет, её слёзы падают в воду и вода становится солёной. Понимаю. Никто вас не поймёт так, как я. Потому что я столько в жизни настрадалась, милый. Столько плакала, столько болела, так плохо и одиноко, милый Тянь, на свете жить, так трудно, если бы вы знали, как я вас понимаю, солнце моё... Вы уехать не можете из-за денег, а мне - ехать некуда, только тут сиди, сторожи, взвешивай, обслуживай, мне отступать некуда, за мной - Берлин мой, слышите? Но я выход знаю, не плачьте, Тянь! Я знаю, что вы йогом сделались потому, что вам кушать не на что, но я спасу вас, деньги на билет дам вам и спасу вас, Тяньчик мой, солнце вьетнамское, слышите?! Где же вы раньше были, почему не обращались! Не плачьте! А что же мы, как же мы не поможем? Вы думаете - мы не люди? Люди, Тянь, люди! Это они там все думают, что мы - не люди, а мы люди, Тянь, мы все - люди, люди, Тянечка дорогой, люди. Я уж думала, вы нам приглашение пришлёте, и мы с дочкой съездим туда, а вы вот, только встретила, полюбила и сразу уезжать. Ну и ладно. *(Суетится, бежит по пельменной, собирает в кучу вилки, ложки.)* Пришлете? Не из-за меня, из-за девочки моей, чтоб она свет увидела? Нет?

Вьетнамец плачет. Бабёнка кинулась к Старика, вцепилась в плечо, трясёт его что есть силы.

А ну, отдай ему всё, слышишь, нет?!

СТАРИК. Чего? Кто ты? Чего тебе надо? Чего отдай?!

БАБЁНКА. Кто я?! Я кто, да? Я, да?! Я тебе глас Божий с неба! Я тебе ангел в белом, раз такое дело, я говорю тебе: отдай все деньги вьетнамцу!!! Слышишь?! Глас Божий с неба я! А то врешь и врешь всю жизнь, кулацкий подпёрдыш, про Берлин, про бабу, про всё-всё, сделай хоть раз в жизни доброе дело: возьми и отдай деньги вьетнамцу, на билет, пусть едет!

ДЕВОЧКА. *(Заплакала.)* Мамка, не надо, сядь!

СТАРИК. Да тихо ты, тихо, чего побелела? Пусть берёт, мне не надо, ты чего? На, на, на!
Сорвал с шеи кошелек, отдал Вьетнамцу.

Забери. На билет надо, ну дак - на, поезжай. Сразу сказал бы, я бы и дал бы.

БАБЁНКА. *(Бежит по пельменной, собирает всё в кучу.)* Вот так, вот так ... И моё тоже. Заберите всё. Вот, вот, вот. Под суд пойду, но человеку помогу. Пусть берет все: кассу, вилки, ложки, ножи, стулья, столы, шторы, муку, туалетную бумагу, счётчик электрический, всё, всё, всё!!!

СТАРИК. Ему мешков двадцать муки надо, чтоб билет купить!

БАБЁНКА. Молчите! Пусть возьмёт всё! Мы пять-шесть кило сможем взять, а больше не унесём всё равно. Кассу возьми. Магазин там откроете, чеки выдавать будете, пельменную сделаете, пельмени будете варить и пельмени продавать вьетнамцам! Пойдите.

Сдвигает шторы с окон, отдала в руки Вьетнамцу. Вилки, ножи складывают перед ним, Старик и Девочка помогают Бабёнке. Та из карманов достала деньги, сунула их Вьетнамцу в руки, закидала его шторами, свёртками, толкает в двери.

Только картину оставь нам, мы будем смотреть в неё, как в телевизор, думать, что ты там живешь, Бога видишь, Бог с кудрями золотыми, и ты там где-то рядом, мы будем смотреть и думать про тебя! Ладно? Иди! *(Толкают Вьетнамца в двери.)* Идите отсюда. Билет берите и уезжайте. Авось хоть один из нас спасётся, человеком станет. И как приедешь - сразу поступи во вьетнамский университет! И сразу телеграмму срочную дай нам, что поступил! На пельменную телеграфируй! Бажова тридцать семь! Слышишь? Идите. *(Поцеловала Вьетнамца крепко в губы.)* И приглашение будет как возможность - пришлите. Всё. Вьетнамец ушел.

Старик, Бабёнка и Девочка подошли к картине, смотрят на неё, молчат.

(Вытирает слёзы.) Он вытирает шторы в Ганге, они с мамой повесят шторы на дверях своей хаты, хижины, вигвама, чтобы комары не залетали, и будет ветер с моря дуть в наши шторы, и будут шторы колотиться на ветру и вспоминать они будут про нас, про нашу Россию, и будут вспоминать про пельменную нашу, и вилками они нашими будут есть, позовут всех бедных гостей вьетнамцев, наделают пельменей, раз они йоги, не из мяса, а из рыбы и будут их есть, есть, есть! И маму его комары не укусят, наши шторы помогут вьетнамцам выжить, и они будут жить долго-долго, счастливо-счастливо, хорошо-хорошо! *(Подошли к картине, смотрят на неё.)* Вот он идёт, я прямо вижу, как он идёт по горам, по долам, нынче здесь, а завтра там, идёт и идёт, наш Тянь, и наши шторы за ним, и мы с ним, и вот он в горы вьетнамские уходит и уходит, прощай, Тянь, прощай ...

МОЛЧАНИЕ.

Бабёнка пошла на кухню, достала пельмени, разложила в три чашки, поставила их на стол, плачет.

Молчат.

Старик ест пельмени, тоже плачет, слезы не вытирает.

(Ест пельмени.) Вьетнам! Ешь, доча, ешь! Вьетнам! Встаёт над нашими шторами чёрное вьетнамское солнце, как на этой картине, и бананы там, и апельсины, и наши вилки, и наши ложки, и мы с ними тоже так же вот красиво, как на картине, когда у них дети родятся, мы будем с ними вместе вот так стоять мысленно и радоваться!!!! И там живёт Бог, там живёт он, вот такой - маленький, крохотный, красивый, над головой ареал, и там

бараны ходят, и там люди живут, там всё есть, тут нету, там Бог есть, там жизнь, там, там,
там ... Прощай, вьетнамец, прощай ...

Бабёнка, Девочка и Старик кинули вилки, выскочили из-за стола, снова встали возле картины,
смотрят на неё.

МОЛЧАНИЕ.

Потом сели за стол, снова едят пельмени.

Молчат.

Темнота

Занавес

Конец

апрель 1996 года

Екатеринбург